

НИКОЛАЕВСКИЙ ВЯГОРЕСТ

По благословиению Мефодия, Митрополита Астанайского и Алматинского
№ 28 (233), 17 октября 2004 г.

Неделя 20-я по Пятидесятнице

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними

откройте сердца ваши, обострите слух ваш к восприятию изумительных, необыкновенных, глубочайших слов Христовых: "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними" (Лк. 6, 31).

Когда человек с чистым сердцем впервые слышит эти слова Христовы, он смущается, ему становится даже неловко.

О Господи! Как же я сам не подумал того, о чем Ты говоришь нам! Как я не подумал, что надо с людьми поступать так, как хочу, чтобы со мной поступали. Просто, необыкновенно просто это слово Христово и в то же время глубоко - бездонно глубоко.

Просты и все слова Спасителя нашего, просто и все Его учение, ибо оно было обращено не к гордым ученым, мнящим о себе, что они знают истину, а к тем смиренным, к тем ничего не знающим, которые чужды гордости, которые легко проникаются всякой подлинной, сияющей Божественным светом истиной.

Кто глубже, чем рыбаки галилейские, воспринял слова Христовы, кто глубже понял их, кто возвестил их всему миру?

Смиренным, кротким, не мнящим о себе говорил Господь слова, которые им легко, легко было понять. Слушайте же и вы эти слова в простоте сердец ваших, слушайте с глубочайшим доверием к Господу Иисусу Христу.

Какое поразительное требование предъявляет Он нам!

Мир не слышал такого требования до Христа. Миру никогда не приходило на мысль, что надо поступать с людьми, как хотим, чтобы и они поступали с нами; миру никогда не приходило на мысль, чтобы творить добро ненавидящим нас и обидящим. Мир никогда не услышал бы, если бы не пришел Христос, что мы должны любить врагов своих.

Просты слова Христовы, но ими предъявляются к нам требования самые высокие, самые тяжелые. Ибо, скажите, легко ли исполнять то, чего требует Он от нас? Легко ли любить врагов наших; легко ли благоденствовать обидящим нас; легко ли давать без оглядки всякому просящему; легко ли давать займы людям, совсем не думая о том, чтобы получить обратно?

О, как это трудно, как невозможно, как не вмещается в сознание людей мира сего! Но дело в том, что Господь говорит это не людям мира сего, а нам, христианам, о которых святой апостол Петр сказал слова, которые все вы должны помнить, ибо они относятся непосредственно к каждому из вас: "Вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет" (1 Петр. 2, 9).

Он говорит тем, кто должен быть народом, избранным Христом, предъявляет эти свои тяжелые требования к тем, кто должен быть народом святым, взятым в удел, чтобы жизнью своей, делами и словами своими "возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет".

Совершенства Христовы, совершенства Божии должны мы возвещать людям всей жизнью своей: делами своими, всеми поступками своими, словами своими. Если так, если мы народ святой, царственное священство, разве не должны к нам предъявляться

самые высокие требования, какие ставит Господь Иисус Христос? Разве не нужно требовать, чтобы понимали мы всю глубину и истинность этих слов Христовых: "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними". Давно, давно сказаны были эти Божественные слова.

Что видим и доныне вокруг, что видим даже в самих себе? Относимся ли мы к людям так, как хотим, чтобы к нам они относились?

Ведь мы не хотим, чтобы люди унижали и поносили нас, а кто не поносит других, ближних своих, кто не унижает их?

Мы хотим, чтобы в трудных обстоятельствах жизни нашей и близких наших нам помогали, о нас заботились. А когда сами благоденствуем, ни в чем не нуждаемся, часто ли вспоминаем о тех, которые не имеют ничего, которые ждут нашей помощи? О нет, не часто. А Господь требует, чтобы всегда вспоминали.

Нетрудно, совсем нетрудно любить людей, любящих нас; нетрудно, нисколько нетрудно любить отца или мать, или жену, или детей своих. Но велика ли цена этой любви?

О нет, она не имеет почти никакой цены, ибо близких своих, детей своих любим по инстинкту любви, который вложен в нас природой. Какая мать не отдаст всей ласки, всего тепла сердца своего своему ребенку? Какая не отдаст даже жизни своей, если ему будет грозить гибель?

Это, конечно, хорошо; но имеет ли высшую нравственную ценность? О нет, не имеет.

Знаем мы, что если задумаем разорить птичье гнездо, то прилетит мать птенцов, будет виться над нами, будет бить нас по лицу крыльями и отчаянно пищать... Это та же самая любовь, любовь по инстинкту, вложенная в каждое живое существо. Разве медведица, разве волчица не защищают детенышей своих, не идут на человека, пришедшего с оружием?

Это любовь по инстинкту, вложенная природой в сердце каждого живого существа, а высокой нравственной ценности она не имеет.

Вот поэтому и говорит Господь наш Иисус Христос: "Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают" (Лк. 6, 32-33).

В русском переводе это звучит так, а в славянском лучше: "Аще любите любящия вы, кая вам благодать есть; ибо и грешницы любящия их любят. И аще благотворите благотворящим вам, кая вам благодать есть, ибо и грешницы тожде творят".

Благодати Божией не заслужим такой любовью, такими делами.

Даже и те, которые нам творят добро и получают от нас взамен добро, не имеют особого основания благодарить нас, ибо воздаем мы им добром за добро; какая же нам благодать за то от Господа? Нравственной заслуги в этом нет.

"И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же" (Лк. 6, 34).

От нас требует Господь, чтобы мы давали займы, не рассчитывая получить обратно, не требуя совсем того, чтобы отдавали. Это правильно, глубоко правильно: так и надлежит нам поступать.

Когда приходит несчастный человек, попавший в тяжелые обстоятельства, и просит помощи материальной, и хотя знает, что не сумеет возратить, в смущении, в стыде просит займы, только займы, то если и знаете, что так, не отвергайте уверений его, чтобы не было ему больно, и отдайте просимое с чистым сердцем, не ожидая получить обратно.

Тогда будет великая благодать вам от Бога, ибо то, что сделали, есть великое доброе дело.

Господь требует далее того, чтобы ударившему по щеке подставить и другую, а отнявшему верхнюю одежду не препятствовать взять и рубашку.

Кто так поступает, многие ли? О нет, крайне, крайне редко поступают так, как поступил святитель Тихон Задонский. Когда кротко и тихо попробовал он увещевать гордого молодого помещика исправить жизнь свою и в ответ получил удар по щеке, как поступил он?

Он упал в ноги этому дерзкому, прося простить, что ввел его в гнев, в раздражение. А каков был результат?

Результат был поразителен: дерзкий молодой человек был так поражен и потрясен, что сам пал в ноги святителю и потом совершенно изменил свою дурную жизнь и стал образцовым христианином.

Когда встречаем разбойников, которые начинают нас бить и грабить, многие ли поступают так, как повелел Господь Иисус Христос?

Я исповедовал одного старика умирающего, который поведал тайну своей жизни, тайну великого греха. Он рассказал, что однажды ночью на улице напали на него два бандита, которые хотели раздеть его. Он, обладая большой физической силой, схватил за горло одного из них и задушил, а другой в страхе бежал.

Из-за пальто, из-за костюма он погубил душу свою, ибо слышим от апостола, что убийцам нет места в Царстве Божиим. Не лучше ли было поступить так: спокойно, без всякого раздражения отдать то, что злодеи требовали. Разве не купил бы себе другого пальто, другого костюма, а чем же выкупит он этот тяжкий грех, что даст за душу свою? Видите, что это вовсе не фантастическое требование, что это можно исполнить, если сердце таково, что способно исполнить это.

Но вот останавливаются многие в смущении пред последним требованием Христовым: "Вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших; благотворите ненавидящим вас; благословляйте проклинающих вас, и молитесь за обижающих вас" (Лк. 6, 27-28). Любить врагов - легко ли это? О нет, это трудно, это высочайшее требование Христово. А если Он требует, значит, знает, что можно выполнить, ибо невозможного ничего Он не требует. Трудно это, знаю, что трудно, но попробую дать ответ и на этот трудный вопрос. Вникнем, кто враги наши. Враги у нас есть разные: это все, творящие нам пакости, все ненавидящие и обидящие нас. Много пакостей творят нам соседи: много оскорбительных слов слышите вы от них, много ругательств, много проклятий.

Но ведь вы слышали в нынешнем апостольском чтении, что и сам апостол Павел имел пакостника плоти, который постоянно ему пакости делал. Что же это был за пакостник плоти? Это злой человек, медник Александр, который повсюду преследовал апостола Павла, повсюду чинил ему пакости, обиды, досады. Тяжело это было святому апостолу, и он три раза молил Бога избавить его от этого жестокого человека. А какой ответ он получил? "Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи" (2 Кор. 12, 9).

Господь сказал: не надо, пусть продолжает пакости творить, потому что божественная сила Его совершается в немощи: когда нас поносят, когда преследуют, когда страдаем, тогда сильны мы силой Божией, благодатной Божией помощью. Если и нам придет час терпеть от злых людей, от пакостников плоти всякие пакости, издевательства, оскорбления, как должно нам тогда поступать? Так, как учил еще древний мудрец Соломон. Его слова повторил св. Павел в послании к Римлянам, слова великие, слова, полные силы и правды: "Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою; ибо, [делая сие], ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе" (Притч. 25, 21-22).

Прожгут, прожгут эти горящие уголья даже его черное сердце, оно будет потрясено тем, что на его пакости вы отвечаете с кротостью.

Кто еще наши враги? Это те злые люди, которые завидуют нашим жизненным успехам, успехам в научной работе, успехам житейского благополучия нашего; это клеветники, доносчики ложные - это подлинные наши враги.

Но вот о чем подумайте: такие враги всем ли страшны? О нет, не всем. Было много людей, не ставивших своей целью устроить земное благополучие. Были люди, которые от всего отказывались, предпочитая нищету и, живя в неизвестности, в других не возбуждали зависти. Таковы были все преподобные, все отшельники, пустынники: у них не было никаких врагов, ибо отвергнув все блага земные, они обезоруживали завистников.

Есть еще враги, враги ужасные, убивающие и грабящие нас. Как к ним можно относиться с любовью, как возможно любить грабителей, убийц?

А были святые, для которых это было возможно, которые злодеям отвечали любовью; таков был наш богоносный отец Серафим Саровский. Напали на него несколько разбойников, когда жил он в отдаленной пустыньке, избili до полусмерти, переломали ребра, проломил череп. Он долго мучился и болел и страдал тяжело, пока страданиям его не положила конец Пресвятая Богородица.

Разбойники были пойманы - они оказались крестьянами ближней деревни; им пришлось предстать на суд, им предстояла каторга. Что же делает преподобный Серафим? Со всей силой, со всей горячностью сердца своего требовал он, чтобы не наказывали этих злодеев, даже грозил, что из монастыря уйдет. По просьбе святого Серафима оставили их в покое, но Господь их наказал, ибо пожар сжег избы их. Были и другие, которые сами помогали грабителям имущество свое увязывать в узлы, сами взваливали им эти узлы на плечи.

Вот пример того, как можно исполнить заповедь Христову даже по отношению к разбойникам, к злодеям, а не только к тем малым пакостникам плоти, которые вам жизнь отравляют.

Итак, Господь не предъявляет таких требований, которые превышают силы человеческие. Он предъявляет требования высшие тем, которых сделал Своим святым народом, которых взял в удел. От них требует Он полного совершенства, такого совершенства, которое свойственно Самому Богу, ибо слышите вы, что о тех, кто исполняет эти Его трудные требования, Он говорит, что они нарекутся сынами Всевышнего, говорит им: "Будьте милосердны, как Отец ваш милосерд".

А евангелист Матфей передает это иными словами: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный".

Слышите ли вы, Господь требует от нас, христиан, чтобы мы были совершенны, как Он Сам совершен; требует такого безмерно великого милосердия, которое подобно было бы милосердию Отца Небесного, Который "повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Мф. 5, 45). Требуется великой безмерной любви, подобной любви Господа Иисуса Христа, воплотившегося и отдавшего Себя "нашего ради спасения" за грехи всего мира, для того, чтобы нам, христианам, открыть путь к богочеловечеству.

Богочеловечество есть цель жизни каждого. Цель жизни - совершенство в любви, в праведности, а для этого надо неустанно работать над очищением сердца своего. Когда долго, долго заботится человек об этом, когда очистит сердце от всего греховного, от всего нечистого, тогда станет сердце его обителью Духа Святого, станет храмом Божиим. Тогда достигнет он любви, той любви, которая даст возможность исполнить все эти столь высокие и совершенные требования Христовы.

Поставьте же задачей вашей очищение сердца вашего и стяжание любви, поставьте задачей жизни вашей то, чтобы стать обителью Духа Святого. И да поможет вам в этом Христос Своей Божественной благодатью. Аминь.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

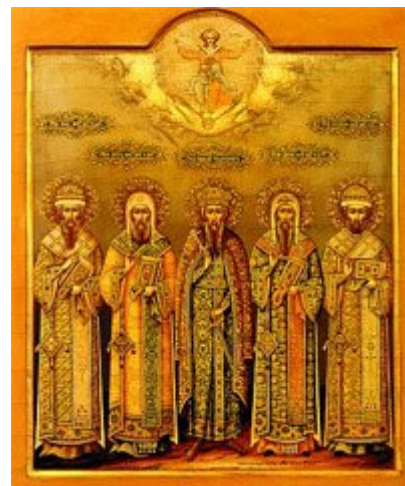
Московские святители

5/18 октября

Русская Православная Церковь прославляет ныне великих иерархов своих, митрополитов Петра, Алексия, Иону, Филиппа и святейшего патриарха Гермогена, которого она позднее также причислила к сонму этих первоиерархов российских. Каждый из этих великих мужей был великим святителем, правилом веры, образом кротости и благочестия. Каждый из них был великим подвижником, украшением Русской Церкви.

Но примечательно то, что их святые имена записаны не только на страницах церковной истории, но и на страницах истории государственной, гражданской, ибо, возглавляя Церковь, они не могли быть равнодушны к тому, как протекало государственное строительство, как строилась наша великая и святая Русь, и принимали в этом живое и деятельное участие. Тогда были иные времена и, быть может, та жизнь, в их годы, несмотря на отсутствие теперешних достижений техники и цивилизации, была духовно гораздо содержательнее и богаче. Русский человек тогда свою личную жизнь, да и общественную, строил в тесной зависимости от жизни и распорядков церковных. По церковным установлениям, по церковным праздникам, по церковным торжествам направлялась и строилась жизнь русских людей во времена этих святителей, да и много позднее. И сотрудничество Церкви с государством в деле государственного строительства, конечно, заключается не в том, чтобы Церковь оставила свое прямое назначение спасать человеческие души для вечности и занялась бы чисто государственной деятельностью. Но Церковь лучом евангельской истины всегда освещала все, что совершается в государстве, указывая на то, что в нем правильного и что неправильного.

Московские святители

Как в этом отношении всегда смело и независимо звучал голос Церкви Русской Православной, мы с вами знаем хотя бы на примере великих святителей Алексия и Филиппа. Когда во времена святителя Алексия взбунтовался против княжеской власти Нижний Новгород, то святитель Алексий послал туда преп. Сергия с наказом, если горожане не подчинятся государственной власти, закрыть все церкви в Новгороде. Тогда это было бы, конечно, страшным ударом для глубоко благочестивых русских людей. И эта мера подействовала. Преп. Сергий, вероятно, ее и не провел, потому что сразу пришли в подчинение взбунтовавшиеся. А другой пример, еще гораздо более яркий, мы с вами знаем из жизни свят. Филиппа, который, ни много ни мало, как противостоял самому царю. Когда царь Иоанн Грозный, умный, быть может, гениальный, но душевным недугом одержимый, свирепствовал, и свирепствовал часто несправедливо, жестоко и пристрастно, то митрополит Филипп, как вы знаете, не побоялся прямо в церкви при всех его обличить за эти злодеяния. Причем, когда мы с вами читаем на страницах церковной и гражданской истории, как обличал митрополит Филипп царя Иоанна, то мы не видим ни тени бунта против царя. Митрополит Филипп говорил, как духовный отец и, вместе с тем, как верноподданный. Он тут же, если нужно было бы, пошел бы на смерть за царя, которого обличал. Но его совесть архипастырская подсказывала ему, что нужно говорить, и он говорил. Как и сказал он разгневанному, всплывшему царю: "Я - пришлец на земле и подвигаюсь за истину. И никакая сила не заставит меня замолчать". Таким образом, в содружестве Церкви и государства, протекало тогда строительство святой Руси.

Знаем мы, как в печальные годы революции безбожная власть, захватившая владычество у нас на Родине, сразу объявила одним из главных принципов - отделение Церкви от государства. Но ведь, по существу, об отделении Церкви от государства можно говорить только там, где строится государство новое. Там можно в самом начале поставить этот принцип, хотя, конечно, он, как справедливо указывали многие богословы, есть тоже как бы гонение, только в скрытой форме, ибо Церковь не допускается до участия в жизни государственной. У нас же на Руси Церковь давно вошла в полное единение с государственной властью и государство при помощи Церкви, при ее молитвах и освящении строило себя и направляло свой путь. А потому, когда там было объявлено об отделении Церкви от государства, то это было неправильно названо. Надо было сказать: "Церковь изгоняется из государства". Но на это безбожники не решились и объявили

просто, что Церковь отделяется от государства. И начался тогда тот кошмар, который продолжается и по сию пору. И не знаем мы, до какого именно момента он будет продолжаться, потому что пути Божии абсолютно непостижимы для нас. Но, во всяком случае, то, что предано нам от наших предков, от тех святых времен, должно всегда бережно храниться нами и всякий должен понимать, что Церковь не может быть от государства отделена. Она не может с ним слиться, это - так, потому что о Церкви Господь сказал: "Царство Мое несть от мира сего", т.е. Церковь есть учреждение совершенно иноприродное в сравнении с государством, но, в то же самое время, как уже было сказано, только тогда жизнь государственная пойдет правильно, когда Св. Церковь все время лучом евангельской правды будет освещать текущую жизнь и все, что совершается властью государственной. Так оно прежде и было. Теперь же, как вы знаете, - совсем не то.

Но все мы с вами верим, что рано или поздно, Господь помилует нашу исстрадавшуюся Родину, что снова водворится в ней порядок и вера восторжествует. И мы уповаем, что тогда вернется то, что было раньше, и что государство будет строить свою жизнь в полном согласии со святой правдой евангельской, святой правдой церковной.

Молитвами великих иерархов, святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена, Господь да помилует нашу Родину и да вернет ей былое благочестие и благолепие духовное. Аминь.

Митрополит Филарет Вознесенский

Изменить свое сердце

Беседа соредатора журнала "Фома" Владимира Легойды с ректором Православного Свято-Тихоновского Богословского Института протоиереем Владимиром Воробьевым.

В. Легойда: Отец Владимир, сегодня я хотел бы начать разговор об очень важной проблеме - о первых шагах в Церкви. Как человек представляет себе Церковь и церковную жизнь, и чего Церковь ждет от приходящего к Православию. Как мне кажется, часто эти вещи не совпадают.

В этой связи мне вспоминается, как в один из первых моих приходов в храм я был поражен, что за свечным ящиком - местом, где продаются иконы, книги, свечи, - сидели девочки и: смеялись. Я тогда подумал: "Как же так?! Здесь храм, а они сидят и смеются". Сейчас мне уже не кажется таким "праведным" то негодование - ну почему нельзя улыбнуться, даже находясь в храме, - но тогда я весь кипел от возмущения.

Думаю, что у каждого из нас есть свой какой-то конкретный образ Церкви, что она есть или чем должна быть:

Отец Владимир: Вы знаете, прежде чем обсуждать характерные представления о Церкви людей, которые решили стать православными, я хотел бы несколько слов сказать об отношении к Церкви в нашем обществе в целом.

У современных людей доминирует отношение к Церкви, как к какому-то пережитку, очень узкому направлению жизни, которое безнадежно отстало от мира во взглядах на жизнь. К тому же в Церкви служат не вполне понятные люди. Большого авторитета ни клир наш, ни прихожане в обществе не имеют. Во многом это происходит потому, что сегодня очень мало людей, которые являют миру подлинный образ православного устройства сердца человека, православной жизни.

Сейчас почти нет таких духовников, которых мне еще довелось застать, проживших трагическое для нашей страны начало века, прошедших гонения, - многие из них были в тюрьмах, лагерях. Это были люди удивительно богатой души, очень широких взглядов. Встреча с ними производила огромное, неизгладимое впечатление.

Современный же священник - это уже нечто другое. В Москве это может быть более или менее интеллигентный человек, но большей частью без настоящего духовного опыта, а на периферии это нередко - человек малоспособный, если не сказать малограмотный. Такой человек сам о Православии не много знает, поэтому может даже от Церкви и отпугнуть! А если его еще и начать спрашивать, то он такое может наговорить, что к Православию никакого отношения не имеет.

Необходимо понимать, что сегодняшняя жизнь нашей Церкви объяснима только особым чудом Милости Божией. Семьдесят лет гонения должны были ее полностью уничтожить. Неудивительно, что мы с таким трудом восстанавливаем из небытия наши духовные школы,

наши храмы, монастыри. Восстановить церковный клир, т.е. воспитать новое поколение священников, очень непросто. Для этого требуется время.

- Можно ли в таком случае сказать, что эта ситуация и является одной из причин неверных представлений о Церкви и о том, что ждет человека, если он станет членом Церкви?

- Я бы сказал, что это не совсем неверные представления. Сегодня очень часто человек, становясь членом Церкви, действительно может попасть в различные малоприятные переделки, далекие от подлинной православной жизни.

В древности была такая секта кафары. Это были люди, которые считали, что христиане должны быть совершенно чисты. И если какая-нибудь нечистота появлялась у кого-то, то он уже не мог быть членом Церкви. За любой неприемлемый проступок кафары извергали человека из своей секты. Это относилось не только к духовенству, но и к прихожанам. Секта существовала долгое время. Такое жесткое мировоззрение наша Церковь не принимает. Но нельзя забывать и того, что в Церкви, конечно, нужна чистота. "Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят", - сказано в Евангелии. Нужно, чтобы чистый лик Христов Церковь являла миру.

Приходя в храм, человек должен увидеть, ощутить совершенно иную жизнь, чем та, которая окружает его в мире. Эта жизнь должна быть светла, должна поражать своей красотой. И не только убранство храма, священнические облачения, церковное пение должны быть красивы. Самое главное - прекрасными должны быть верующие люди, их отношения. Вновь пришедший должен сразу понять, что здесь царит любовь, чистота, праведность, правда, что церковные люди живут по другому закону - по заповедям Божиим и что их молитва - это действительное общение с Богом, Который есть для них Отец Небесный.

У нас сегодня это получается, к сожалению, с большим трудом. Когда человек приходит в Церковь, чего он только не насмотрится! И вот увидеть за всем этим действие благодати Божией бывает порой очень нелегко:

- Отец Владимир, а как можно говорить о благодати, если существует так много "болячек" в современной церковной жизни?
- Одним из образов, которые хорошо объясняют, что такое Церковь, является Голгофа. Голгофа обычно воспринимается как образ страданий. Это, конечно, так. Но посмотрите, что из себя представляло это место во время распятия Христова. На Голгофе были собраны вместе самые разные люди: и разбойники, и воины, и фарисеи: И могло показаться, что Христа там нет. Даже ученики Христовы тогда испугались, засомневались, убежали. Они подумали: "Как же может быть, чтобы Христос умер, чтобы Он был распят?", и усомнились. Они еще по-настоящему не знали, Кто такой Христос. Думаю, что это был самый трудный момент в их жизни.

Но именно здесь, в этом самом страшном месте и был Христос. Христос распятый, поруганный, замученный. И именно здесь, на этом месте позорной казни были Силы Небесные. Здесь были Божия Мать, апостол Иоанн Богослов, жены-мироносицы. Но понять, узнать это присутствие Божие было очень трудно. И проходившие мимо Голгофы хулили Христа, говоря: "Сойди с креста, спаси Себя Сам".

Вот и сегодня, приходя в Церковь, не нужно искать в ней сектантскую организованность и порядок. Прийти к Богу - дело нелегкое и не очень-то быстрое. Для этого нужно очень серьезно за себя взяться. Нужен подвиг, а не только энтузиазм, характерный для новых, молодых организаций.

В нашей жизни сейчас чего только нет! И все это уже давно ворвалось в земную жизнь Церкви: и коммерческие интересы, и человеческое хамство, и грубость, и отсутствие любви, и тщеславие, и властолюбие, и карьеризм.

Увидеть за всем этим Христа - очень нелегко. Задача священника и современного миссионера заключается прежде всего в том, чтобы помочь вошедшим в храм увидеть там Христа, т.е. за всей обычной человеческой суетой, в контексте труднопонимаемых для вновь пришедшего человека языка многовековых традиций и обрядов, услышать слово Христово, ощутить любовь Христову, почувствовать таинственное веяние благодати Божией. Можно объяснить, что, будучи сами грешными людьми, мы не должны рассчитывать на то, что святые будут сидеть у нас за свечным ящиком. Поэтому можно и порадоваться, что молодые девушки сидят за ящиком и

улыбаются. Слава Богу, что не бранятся, не злятся.

- Батюшка, а если бы Вам пришлось писать книгу "Первые шаги в Православной Церкви", с чего бы Вы ее начали? С какой главы, например? Правда, такие книги сегодня есть, но почти все они сводятся к описанию поведения в храме:
- Я бы, наверное, посвятил первую главу вопросу: где в Церкви Христос и благодать Святого Духа? Как почувствовать присутствие Божие?

Как сопоставить земную Церковь, которую мы сегодня видим, с Небом, с Евангелием, с христианскими заповедями. Как понять, почему служба идет два-три часа и на славянском языке, к чему все эти священнические облачения, почему нужно в колокола бить и кадить храм: И многое другое. Какое это имеет отношение к благодати Божией? Для современного человека, выросшего вне контекста христианской культуры, все это непонятно.

- И это, наверное, нельзя понять вне Церкви, оставаясь вне ее, будучи лишь сторонним наблюдателем?
- Да. Но даже когда человек входит в Церковь, очень важно помочь ему во всем этом разобраться.
- Когда человек уже решил прийти в Церковь, он понимает, что должен как-то изменить свою жизнь и готов это сделать. Но неопит чаще всего рассуждает так: "Вот я становлюсь православным, наверное, нельзя ни пить, ни курить. Хорошо бы срочно изменить стиль одежды:" Конечно, можно изменить одежду, можно демонстративно в институте, в школе, на работе перед едой креститься. Но, наверное, это еще не значит быть православным. Насколько такие неопитские представления совпадают с тем, чего ждет от человека Церковь?
- Думаю, что современному человеку вот так сразу понять смысл христианской жизни, ее главные задачи очень трудно. Даже может быть почти невозможно. Сразу понятнее то, что легче, очевиднее - то есть внешнее: скажем, длинную юбку надеть, платочек повязать, перестать губы красить, приобрести, так сказать, церковное обличье.

Но это сделать гораздо легче, чем изменить свое сердце. Легко надеть длинную юбку, а перестать дома грубить матери, научиться чувству христианской ответственности, научиться молиться Богу, научиться любить Истину, не просто словесно исповедовать свою веру, а всю свою жизнь по-христиански перестроить: Вот это очень трудно. Конечно, такое понимание приходит не сразу.

Когда начинаешь это объяснять современному молодому человеку, он долго не может понять: как это так, как же жить тогда, что же, он должен остаться один?! Вот недавно я разговаривал с одним юношей. Он верующий, ходит в Церковь. Но он мне сказал, что всякий раз, когда он встречается с другими своими товарищами, то они скидываются, покупают бутылку и распивают. При этом все ребята верующие, часто ведут разговоры на "церковные" темы, ходят в храм: Честно говоря, я пришел в ужас и сказал ему, что со мной такого не было никогда в жизни. Нет, конечно, я понимаю, что если люди собираются по какому-то случаю, на праздник, то можно угостить гостей за столом. Но скидываться, распивать: Мне это просто не понятно. И я это своему собеседнику пытался объяснить. А он мне в ответ сказал, что если не пить, то он останется совершенно один - ведь так поступают все его сотоварищи! И они все ходят в Церковь, все причащаются, все исповедуются:

Почему они так поступают? Потому что просто посещать храм - в конце концов не так уж сложно. А вот почувствовать, что такое христианская жизнь и какие духовные нормы нужно сделать своими нормами - это намного труднее. И ежедневная борьба со своими слабостями, пороками, это, конечно, подвиг. Потому что весь мир, все наше окружение сейчас быстро уходит от Евангелия. И тут действительно нужно не идти на поводу. Нужно сказать: "Да. Пусть я буду один. Но я не пойду".

Во времена моей молодости, когда Церковь была гонима, это было в каком-то смысле даже легче. Правда, тогда было совсем мало верующей молодежи и попасть в Церковь было очень трудно. Но если человек уже был в Церкви, то самим этим фактом оказывался как бы защищен, -

Церковь воспитывала его так, что он должен был идти против течения. Поэтому я и в школе, и в университете был один. И хотя со всеми был в приятельских отношениях, а со многими отношения установились очень хорошие, уважительные, у меня не было близких друзей. Я никогда не ходил ни на какие вечеринки, танцы и т.д. Мне было там не интересно, и им со мной было неинтересно.

Потом со временем у меня оказалось столько друзей, сколько ни у кого и моих университетских товарищей никогда не было. То, что в юности я выдержал, не пошел по течению, оказалось только к лучшему...

- Вы упомянули слово "подвиг". Вообще для современного человека, особенно для нашего поколения, это слово ассоциируется скорее с героями Отечественной войны и т.д. Для многих наших современников слово "подвиг" в христианском контексте звучит довольно неожиданно. А из Вашего ответа видно, что Церковь ждет от человека прежде всего какого-то подвига. Какой смысл вкладывает Церковь в это слово?
- Да, духовная жизнь это прежде всего подвиг, без подвига ее просто быть не может.

Но подвиги могут быть разными. Бывает героизм, когда человек идет на смерть. Это случается не только на войне. Вот как раз наша Церковь в нынешнем столетии явила таких подвижников очень много. По исследованиям, проведенным в нашем институте, таких пострадавших было много сотен тысяч. И они должны быть канонизированы в Русской Церкви.

Но подвигом является не только это. Любой человек, который строит жизнь по заповедям Христовым, совершает личный подвиг: это требует больших усилий, большого мужества, большой стойкости.

Подвиг может иметь совершенно разные формы. Но все то, что человеку очень трудно, даже превосходит его силы, его естественные возможности, - это и есть подвиг. Так происходит в духовной жизни, когда человек борется с самим собой, с своими собственными страстями. Победить, очистить свое сердце для жизни с Богом - это тоже подвиг. Самый настоящий.

<http://www.fomacenter.ru>

Оптинский старец Амвросий

10/23 октября

тец Амвросий родился 21 ноября 1812 года в Липецком уезде, Тамбовской губернии, в многочисленной семье сельского дьячка.

В тот день праздновали храмовой праздник в селе, и вокруг дома, где родился мальчик, было много съехавшихся к празднику крестьян. Отец Амвросий говаривал: "Как я на народ родился, так все на народе и живу".

Мальчик отличался необычайной живостью нрава и сметливостью. Пройдя Липецкое духовное училище, он поступил в Тамбовскую семинарию. Товарищи его рассказывали впоследствии о его способностях.

- Бывало, сидишь за уроками, зубришь, а он все бегаёт. А отвечать станет - точно по книге читает!

По окончании курса в семинарии Александр Михайлович Гренков (таково было мирское имя о. Амвросия) был некоторое время учителем в частном доме, а затем преподавателем Липецкого духовного училища.

Удивительно сметливый и наблюдательный, необычайно разговорчивый, он близко познакомился с бытом разных слоев общества, и это впоследствии много помогло ему в его деятельности Старца.

Между тем в Гренкове начинался перелом. Он стал уединяться. Замечали, что он по ночам ходит молиться в сад, а потом, чтобы еще более скрывать свою молитву, он уходил на чердак. Он стал задумываться о суетности всего земного, о посвящении себя всецело тому, что одно не проходит, но вечно. Монашеская келия рисовалась уже его воображению.

Среди таких мыслей он тяжело заболел и во время болезни дал обет идти в монахи, если выздоровеет.

Но, оправившись, он медлил исполнением своего обещания и тогда снова заболел. Тогда он твердо решился проститься с миром и, выздоровев, пошел за советом к старцу Илариону Троекуровскому.

О. Иларион указал ему на Оптину пустынь, промолвив при этом: "Ступай в Оптину и будешь опытным".

Никому больше не открыл Александр Михайлович своего намерения и тайно ушел из Липецка в Оптину, не испросив разрешения епархиального начальства. Уже из Оптиной он написал Тамбовскому архиерею, объясняя ему чистосердечно: он опасался, что уговоры родных и знакомых поколеблят его решимость, и потому решил уйти тайно. В Оптиной о. Амвросия приняли в скит и дали послушание на кухне. Потом он был взят в келейники к о. Макарию и стал ближайшим его учеником.

<...> Незаметно вырабатывалась в о. Амвросии та высота духа, та сила любви, которую он посвятил на помощь людскому горю и страданию, когда сделался старцем. Уже с самого поступления в скит выделялся он своею приветливостью. Тихо, без потрясения по смерти о. Макария паства его перешла к о. Амвросию. Началась нескончаемая страда.

Отец Амвросий, каким стали знать его в народе, был одним из тех оптинских старцев, к которым всякий миг прийти в душевной тягости или жизненной беде и требовал помощи. Шли к нему люди, прослышав о его мудрости, о его святости, а больше всего о той великой доброте с какою он принимал всякого.

<...> С разных концов к отцу Амвросию сходились люди и передавали свои скорби. Он слушал, сидя или полулежа на своей низенькой кровати, все понимал еще лучше, чем тот, кто рассказывал, и начинал говорить, что все это значит и как тут быть. Собеседник знал, что в эти минуты старец весь вошел в его жизнь и заботится о нем больше, чем он сам. А могло быть так потому, что свое собственное существо отец Амвросий позабыл, оставил, стряхнул с себя, отрекся от него и на место этого изгнанного "я" поставил своего ближнего и перенес на него, но в сильнейшей степени, всю ту нежность, которую люди тратят на себя.

У отца Амвросия можно было искать разрешения всех вопросов. Ему поверяли как самые заветные тайны внутренней жизни, так и денежные дела, торговые предприятия, всякое жизненное намерение.

Люди, которые не понимали ни старчества, ни отца Амвросия, ни его духовных детей, решались осуждать старца и говорили "Его дело - душа, а не разные предприятия. Тот, кто говорит с ним о таких вещах, не уважает религии".

Но отец Амвросий прекрасно понимал, что там, где умирают с голода, прежде чем толковать о праведности, надо подать хлеба, если он есть. Сам человек высшей духовной жизни, погасивший в себе все собственные требования, он больше, чем кто-либо другой заслужил похвалу Христову за попечение о несчастных: "Я был голоден - вы накормили Меня, жаждал - вы напоили Меня, наг был - вы одели Меня". Он, как умел, служил людям своими сокровищами, а величайшие его сокровища были любовь, мудрость, прозорливость, которыми полны были его советы.

<...> Если к нему подходили люди и рассказывали, что их семьи беднеют и надо подумать о том, как бы их обеспечить, отец Амвросий не говорил: "Это не мое дело, я занимаюсь только душами". Он весь начинал гореть тем же желанием, выслушивал все предположения, внимал, расспрашивал, утверждал или дополнял то, что было задумано, или предлагал свое. А все, что благословлял отец Амвросий, не могло не удалиться, потому что все было открыто.

Это громадное сочувствие, благодатная способность принять чужое горе и нужду ближе своего и поясняют все то значение, которое имел отец Амвросий для тех, кто его знал.

Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа, многим трудно живется. Нужен человек, к которому бы можно было сносить все, что волнуется в душе, которому бы без утайки можно было открыть все думы и надежды, доверить всякую тайну, чтоб стало легче и счастливее. И нужно, чтоб это

чувство было разделенное, чтоб за вежливым словом не слышалось удивления тому, что ищут участия, а чтоб это участие, которого труднее всего добиться в жизни, светило во всяком звуке, во всяком движении. Нужен в жизни сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище,- сердце внимательное.

Такое сердце билось в отце Амвросии. И, конечно, такие люди, как он, не могут относиться с презрением ни к чему, что входит в жизнь их ближних.

<...>Любовь, которая одушевляла отца Амвросия, была та, которую заповедал своим ученикам Христос. Она многим отличается от того чувства, которое известно в миру. В ней не менее поэзии, она такая же трогательная, но она шире, чище и не имеет конца.

Главное ее отличие, что она все дает и ничего не просит. В тот час, когда она нужна, она сотворит величайшие подвиги самопожертвования, а потом молча отойдет, как только горе смягчилось, туда, где новое горе. Апостол сказал: "Любовь не ищет своего", своего, то есть и того, что принадлежит ей по праву, например, доверия, воспоминания.

Так было и со старцем...

Он бесконечно любил всякого к нему приходившего, давал ему от себя все, что мог, а о себе не думал. Ему, кажется, и на мысль не приходило, что он делает нечто такое, за что бы можно быть благодарным. Сделав свое дело, наставив человека, он успокаивался. Были люди, которые не слушались его и делали по своей воле: выходило плохо, тогда они возвращались к старцу и говорили "Вы сказали так, а мы сделали иначе.

Как теперь быть?"

Старец никогда не говорил, что такое недоверие оскорбительно, а жалел их же, что у них так плохо, и давал новый совет. Можно было на все его попечения отвечать самую возмутительную неблагодарностью и пользоваться вместе с этим его самым теплым участием.

В миру любят людей, потому что они полезны или приятны, любят для себя, а отец Амвросий любил потому, что они страдают, потому что они грешны, противны людям, любил для них. Если вообще кого-нибудь отличал, так это тех, кого больше всего презирают в миру,- самых закоренелых грешников, самых неприятных, самых тяжелых нравом людей. Он находил даже, что для общего удобства всего лучше, чтоб они на нем срывали свой нрав. Много досаждала ему одна неприятная монахиня. Его спросили, как он ее выносит. Он с удивленным взором отвечал: "Если здесь, где я стараюсь ее успокоить, ей все-таки так тяжело, каково ей будет там, где все ей будут перечить! Как же ее не терпеть?"

Любовь отца Амвросия шла неразрывно с его верою. Он твердо, непоколебимо верил в человека, в его божественную душу. Он знал, что в самом сильном искажении человеческого, там, где то далеко, лежит искра божественного дара, и эту искру чтит отец Амвросий. Как бы ни был грязен тот, кто говорил с ним, уже тем была велика его беседа, что она давала грешнику сознание, что святой старец смотрит на него как на равного, что, поэтому, он не окончательно погиб и может возродиться. Он самым падшим людям подавал надежду, бодрость и веру, что они могут стать на новый путь.

<...>Счастливая страна, где являются такие люди! Дивное, дорогое имя "отец Амвросий".

Его праведный образ, глубокая мудрость, вдумчивый прозорливый взгляд на всю жизнь и на отдельные существования людей, бесконечная сила сочувствия и сожаления, милующее и греющее сострадание в невыразимом обаянии пронесли это имя среди тех, кому нужны были теплое сердце и духовная помощь. В наш сухой и холодный век он был ярким воплощением заповеди о всепрощающей, безграничной любви, в наш слабый век греха и отчаяния был подвижник пред Богом за русскую землю. <...>

Е. Поселянин

Памяти схиархимандрита Севастиана Карагандинского

9/22 октября

Батюшка сохранял безупречное исполнение церковного Устава, не допуская при богослужении пропусков или сокращений. Церковные службы были для него неотъемлемым условием его внутренней жизни. Батюшка особенно благоговел перед праздниками Вознесения Господня и Святой Троицы, как завершающими дело Христа Спасителя, как венцом всех Тайн Христовых. В беседах его любимым образом был Иоанн Богослов, память которого он совершал особенно торжественно и благоговейно. Часто скорбел о недостойном почитании своей паствой этого Апостола Любви и говорил: "Вот, сегодня день памяти перенесения мощей святителя Николая, - и церковь полна народа. А вчера был праздник святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, - и церковь была полупуста. Как же вы не понимаете, кто выше и кого надо больше почитать? Какой праздник больше?" Так же он особенно чтит все семь дней памяти Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и память святых бессребреников Космы и Дамиана (1/14 июля), как покровителей той местности, где он родился.

Схиархимандрит Севастиан
Карагандинский

Батюшка придавал большое значение тому, чтобы люди ставили свечи. Иногда он звал к себе кого-нибудь из своих духовных чад или прихожан, давал пучок свечей и говорил: "Молись и ставь свечи почаще". То ли что-то угрожало человеку, то ли Батюшка видел, что тот редко ставит свечи. Объяснение этому часто открывалось впоследствии. Но одной своей духовной дочери монашеского устройства он при каком-то случае сказал: "Вам ставить свечи необязательно, сами свечой будьте". Так же Батюшка учил почитать иконы и об иконах с благоговением говорил: "Торжество Православия - праздник. Что же празднуется? Что иконоборческую ересь победили и низвергли. На иконах благодать Божия. Они даны нам в помощь от Бога и защищают нас от темной силы. Есть особые святыни, где накапливается благодать Святого Духа. И иконы есть особые по славе благодати. Есть намоленные веками чудотворные иконы, и, как ручейки, они несут от Господа благодать". Если Батюшка замечал, что кто-нибудь не прикладывается к иконам, говорил тому: "Ты, дорогой, когда что-либо размышляешь и отвергаешь, то имей в своем уме и сердце правильную рассудительность". Одному сказал: "Ты, дорогой, сначала пойми, что трудно тебе понимать многое, а потому и ошибаешься легко. А то ведь так и невежество свое люди за мудрость принимают". Однажды в беседе Батюшка сказал, что старец Нектарий всегда говорил, что мудрость, разум, рассудительность - есть дары Святого Духа. Они приводят к благочестию. И что человек, лишенный дара рассуждения, часто помышляет в себе превосходство над другими. "Где от злой силы защиту искать, как смирение, а не гордость, стяжать".

Постоянной заботой Батюшки было устройство в людских душах глубокого мира через отсечение своей воли. Жизнь среди мира, свою и своей паствы, он старался приблизить к жизни монастырской. Очень огорчался, если кто не слушался и не выполнял его совета, - это было всегда во вред и часто к несчастью человека. Огорчался он до скорби. Отчитает, отвернется и не благословит. Если же увидит слезы, или же что человек раскаялся и в конце концов послушался его совета, очень обрадуется, пожалеет его, и через некоторое время сам чем-нибудь порадует. Однажды он говорил одной девушке: "Ты же не послушалась меня, что же ты теперь пришла, плачешь и просишь? Теперь придется терпеть". И, обратившись к девушкам, сказал: "Что же вы меня не слушаетесь? Почему? Ведь я же... - запнулся, - не всегда ошибаюсь". Таково было его смирение. Даже плакал Батюшка от непослушания чад. Так же часто плакал, принимая исповедь. Почему? То ли ужасался грехам, то ли не видел должного раскаяния, то ли предвидел что-то...

Любовь Батюшки была нежная, заботливая. Иногда он сердился, но редко. Выходило у него это

очень по-детски. Говорил: "Вот я возьму палку и так тебе дам, так тебе дам палкой!" Люди часто в таких случаях падали на колени и просили прощения. Не палка, конечно, была страшна, а то, что расстроили Батюшку. Как-то раз он проговорился во время откровенной беседы: "Сколько я продлил жизнь..."

Батюшка обладал тонким юмором и любил пошутить, но всегда очень доброжелательно. Он не жалел времени на беседу с человеком. Каждый его совет приводил к благополучию. Жизнь верных чад Батюшки была примером порядка. Их называли "батюшкины", говорили, что добрая половина Михайловки, как негласный монастырь.

Здоровье у Батюшки было слабое. Особенно страдал он от сужения пищевода. Все знали, что во время еды его ни в коем случае нельзя беспокоить и отвлекать разговорами. Он тут же начинал кашлять, что иной раз заканчивалось рвотой. Эта болезнь была следствием нервных потрясений, во множестве перенесенных старцем за его долгую жизнь. Он всегда был в напряжении. Когда церковь была еще не зарегистрирована, и Батюшка тайно, с самыми близкими служил Литургии, он постоянно испытывал чувство страха. Он говорил: "Вот вам - батюшка, послужи! А вы знаете, что я переживаю?" Ведь он нарушал закон, в любое время могли прийти и всех арестовать. И впоследствии, когда в церкви служили открыто, у Батюшки этот страх немного оставался. Бывало, заходит в церковь человек в погонах, а Батюшка уже думает: "Могут сейчас подойти, прервать службу и арестовать". Однажды кто-то из чад сказал Батюшке: "Я боюсь вот такого-то человека". А он улыбнулся и говорит: "Да? А я вот не боюсь его. Я никого не боюсь. А вот боюсь, что церковь закроют. Вот этого я боюсь. Я за себя не боюсь, я за вас боюсь. Я знаю, что мне делать. А что вы будете делать - я не знаю". Это батюшкины слова.

<...>У Батюшки была высокая требовательность к себе. Он часто повторял, что свой долг надо выполнять неуклонно. Кто-то сказал ему после панихиды: "Вы опять сегодня очень устали. Вы так долго служили панихиду". Он взял со стола булочку и, показав ее, сказал: "Вот, видите, за каждую такую булочку я должен отмолиться". В то же время Батюшка был всегда и во всем умерен. "Надо держаться царского пути, - говорил он, - то есть во всем придерживаться золотой середины, а, главное, - всегда полагаться на волю Божию и Его Божественный Промысл".

Он очень любил природу, жалел животных, особенная мягкость души была в нем. Однажды жившая на кухне кошка принесла пять или шесть котят. Повариха завела разговор о том, что котят надо утопить. Батюшка, случайно проходя мимо, услышал этот разговор. Он весь затрепетал, затрясся и почти закричал: "Не смейте топить! Всех вырастим!" Котята были оставлены, и когда подросли, их всех, чуть ни в драку, разобрали "на благословение от Батюшки" михайловские прихожане.

<...>По унаследованному монастырскому обычаю Батюшка особенно любил совершать заупокойные службы, и ежедневно сам служил панихиды. Говорил, что больше любит отпевать и поминать женщин, потому что на них гораздо меньше грехов. Ему были видны грехи усопших. Бывало, он в 3 или в 4 часа утра поднимал своих послушниц, чтобы они принесли ему заупокойные поминания. А людям - уже после смерти Батюшки - было такое сновидение: стоит много церквей, все золотые, высокие, и среди них одна маленькая церковь вся в крестах. Люди спрашивают: "Чья эта церковь вся в крестах?" - "Это, - отвечают им, - церковь схиархимандрита Севастиана. Он любил за покойников молиться, и потому эта церковь вся ограждена крестами, так что никто не может ничего сделать". И она стоит вот уже 40 лет.

Таинство любви

Беседа о христианском браке

А далее по ходу службы венчания жених и невеста, теперь уже увенчанные, слушают два чтения. Одно взято из Послания святого апостола Павла к Ефессянам, из последней главы. Я его прочту на русском языке, потому что многие, посещающие церковь и присутствовавшие при венчании, слышали его на славянском языке, который, вероятно, им не всегда был понятен.

"благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинувшись друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но, как Церковь повинувается Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть (Быт. 2,24). Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа"

(Еф. 5,20-33).

Это послание, с одной стороны, говорит об очень глубоких отношениях между Церковью и Христом. Христос пришел на землю спасти человечество; Бог стал человеком, и спасение это Он совершает ценою Своей жизни и Своей смерти. И это первое, о чем должны думать мужья, когда они вступают в брак: им вручается Богом хрупкое существо, которому они сказали: "Я тебя люблю", - и эта любовь должна быть такова, что муж готов всем пожертвовать, всей своей жизнью, из-за любви к жене и по любви к своим детям. Муж является главой семьи не потому, что он мужчина, а потому, что он является образом Христа, и жена его и дети могут видеть в нем этот образ, то есть образ любви безграничной, любви преданной, любви самоотверженной, любви, которая готова на все, чтобы спасти, защитить, напитать, утешить, обрадовать, воспитать свою семью. Это каждый человек должен помнить. Слишком легко мужчине думать, что потому только, что он мужчина, он имеет права на свою жену, над своей женой и над своими детьми. Это - неправда. Если он не образ Христа, то никто ему не обязан никаким уважением, никаким страхом, никаким послушанием.

А жена является иконой, образом Церкви. Церковь имеет как бы два лика. Она - невеста, радующаяся о том, что она возлюблена Богом, и возлюблена такой любовью, которая явлена во Христе. Но вместе с тем (и это образ, который дает апостол Павел в одном из своих посланий) она является невестой Агнца, то есть закланного Спасителя. Она - невеста, та, которая настолько - так глубоко, так совершенно - возлюбила своего жениха, что по незыблемой верности может все оставить, все забыть, от всего оторваться по любви к нему и последовать за ним, куда бы он ни пошел, если нужно - даже на страдания, если нужно - на крест.

Вы видите, что в этом послании говорится не о владычестве мужа и подчиненности жены, а о такой взаимной любви, которая является жертвенной, героической любовью мужа, и на которую жена может ответить такой же жертвенной любовью. Это мы должны всегда помнить, потому что слишком часто этот отрывок Священного Писания толкуют ложно: унижая жену и возвеличивая мужа, представляя его гордым властителем.

За чтением из Апостола следует чтение из Евангелия от Иоанна, самое начало второй главы. Я его приведу по-русски:

"На третий день был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что' Мне и Тебе, Же'но? еще не пришел час Мой. Мать Его сказала слугителям: что' скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших

по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, - а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, - тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус нача'ло чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его" (Ин. 2,1-11). Я хочу обратить ваше внимание вот на что. Христос пришел на бедную свадьбу. Люди собрались в маленькой деревне, на хуторе каком-то, пришли, изголодавшись по радости, - не по выпивке, конечно, а по дружбе, по свету, по теплу, по ласке - и начался бедный деревенский пир. Через самое короткое время, вероятно, то небольшое, что было приготовлено, было съедено, и то вино, которое было припасено, было выпито. И тогда Божия Мать обращает внимание Своего Божественного Сына на то, что вино уже выпито. Что Она этим хотела сказать? Неужели Она говорит Своему Сыну: сделай, мол, что-нибудь, чтобы они еще могли бы пить и пить, и напиться так, чтобы свалиться под скамьи, - неужели этого Она хотела? Нет; Она, конечно, видела, что их сердца так истосковались по радости, по счастью, по тому чувству, которое дает забыть все тяготы мира, все, что давит, гнетет; сердца еще полны желания пребыть в царстве этой любви жениха и невесты, созерцать небесное видение ласки.

Митрополит Сурожский Антоний
Начало в № 22(227), 23(228), 24(229), 25(230), 26(231), 27(232).
Продолжение следует:

Месяцеслов

Понедельник 18 октября - Седмица 21-я по Пятидесятнице. Мц. Харитины. Свт. Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена Московских. Прп. Гавриила исп. Прпп. Дамиана, Иеремии и Матфея Печерских. Сщмч. Дионисия, еп. Александрийского.

Вторник 19 октября - Апостола Фомы. Сщмч. Иоанна пресв.

Среда 20 октября - Мчч. Сергия и Вакха. Сщмч. Николая пресв. Прп. Сергия Послушливого, Печерского. Мчч. Иулиана пресв. и Кесария диак. Иконы Божией Матери "Умиление" Псково-Печерской.

Четверг 21 октября - Прп. Пелагии. Сщмч. Димитрия, архиеп. Можайского. Сщмч. Ионы, еп. Велижского. Прп. Таисии. Св. Пелагии девицы.

Пятница 22 октября - Ап. Иакова Алфеева. Прпп. Андроника и Афанасия. Сщмч. Петра пресв. Правв. Авраама и Лота. Прп. Петра Галатийского. Обретение мощей схиархимандрита Севастиана Карагандинского.

Суббота 23 октября - Мчч. Евлампия и Евлампии. Прп. Амвросия Оптинского. Свт. Иннокентия, еп. Пензенского. Мч. Феотекна. Прп. Вассиана. Собор Волынских святых.

Воскресенье 24 октября - Неделя 21-я по Пятидесятнице. Ап. Филиппа. Мцц. Зинаиды и Филониллы. Прп. Феофана исп., еп. Никейского. Прп. Льва Оптинского. Сщмч. Иувеналия, архиеп. Рязанского. Собор Оптинских старцев.